

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Д.И. Тихомиров

Задачи христианской этиологии и
значение св. Григория Нисского в
истории христианского нравоучения

Опубликовано:

Христианское чтение. 1888. № 11-12. С. 682-693.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

Задачи христiанской этологiи и значенiе св. Григорiя Нисскаго въ исторiи христiанскаго правосознанiя.

(Рѣчь, произнесенная, 7 iюня текущаго года, преподавателемъ могилевской духовной семинарiи Д. И. Тихомировымъ, предъ защитою магистерской диссертаци: «Св. Григорiй Ниссскiй, какъ моралистъ. Этико-историческое изслѣдованiе»).

Пресвященнѣйшiе Архипастыри и
Милостивые Государи!

Одну изъ особенностей современной интеллектуальной жизни общества составляетъ фактъ, что на вопросы этологическiе обращено теперь вниманiе, какого прежде имъ не оказывалось. Такое оживленiе интереса къ вопросамъ морали и стремленiе къ научной разработкѣ ихъ замѣчается и у насъ въ Россiи и на западѣ; время равнодушiя, съ какимъ ранѣе обыкновенно относились къ этикѣ, непризнававшей даже и за науку, и здѣсь и тамъ, повидимому, прошло, и она становится предметомъ оживленныхъ изслѣдованiй.

Оживленiе интереса къ вопросамъ нравственно-практической жизни человѣка не составляетъ, впрочемъ, какой-либо исключительной особенности только нашего времени: подобное этому не разъ наблюдалось въ исторiи человѣчества. Эпохи нравственно-практическаго направленiя мысли человѣка обыкновенно слѣдовали за упадкомъ самостоятельной интеллектуальной дѣятельности и разстройствомъ основъ самой жизни. Такъ было во время Сократа, историческiй смыслъ котораго объясняется существованiемъ въ то время разрушительной теорiи софистовъ; такъ было послѣ Аристотеля—въ періодъ упадка древне-греческой философiи, съ ея нравственно-практическимъ тогда направленiемъ, столь ясно выразившимся въ ученiи стоицизма и противоположнаго ему эпикуреизма; такъ было

не разъ и послѣ — въ періодъ христіанства, хотя и съ меньшею рельефностію, въ виду живительнаго дѣйствія на человѣческую жизнь нравственныхъ основъ христіанской религіи. Въ аналогичномъ же съ этимъ до нѣкоторой степени положеніи находится общество и въ настоящее время: разрушительное дѣйствіе отрицательныхъ и самихъ себя отрицающихъ ученій въ области науки и практической жизни, подрывъ объективныхъ основъ знанія и излишняя склонность къ теоріи гносеологическаго субъективизма, граничащая съ скептицизмомъ и даже переходящая въ него, разшатанность убѣжденій, болѣзненная нервность и пессимистическое настроеніе — вотъ наиболѣе характерные признаки переживаемаго нами историческаго момента. Если мы въ связи съ этимъ обратимъ вниманіе еще на другое обстоятельство, именно—что значительная, сравнительно, разработанность въ настоящее время теоретическихъ наукъ и, въ частности, теоретическаго богословія должна вести къ научной же постановкѣ и ученія объ основахъ практической жизни человѣка,—для насъ не будетъ непонятно оживленіе интереса къ этологическимъ вопросамъ, заиѣчаемое теперь въ наукѣ и въ обществѣ.

Ученіе о нравственности, какъ необходимое руководящее начало въ практической жизни человѣка, существовало всегда—или въ формѣ простыхъ безыскусственныхъ правилъ житейской мудрости, восполняемыхъ и видоизмѣняемыхъ по собственному индивидуальному сознанію человѣка, или въ формѣ такой или иной системы, обыкновенно стоявшей въ связи съ религіей. Въ частности, и относительно христіанскаго ученія о нравственности слѣдуетъ сказать, что, подробно и ясно изложенное во всѣхъ основныхъ своихъ пунктахъ въ св. Писаніи, оно также всегда хранилось въ церковномъ сознаніи въ видѣ нравственнаго руководства, достаточно полного и точнаго для цѣлей нравственно-практической жизни человѣка. Этой системѣ христіанскаго правоученія однакоже не доставало въ такой или иной мѣрѣ научной постановки, и задача современной богословской науки составляетъ—дать такую постановку христіанскому ученію о нравственности.

Такъ какъ ученіе о христіанской нравственности въ своемъ содержаніи съ полнотою изложено и выяснено въ св. Писаніи и особенно Христ. Чит., № 11—12, 1888 г.

бенно въ Евангеліи, то св. Писаніе составляетъ поэтому главѣйшее основаніе и христіанской этологической науки. Однакоже наука о христіанскомъ правоученіи, при разработкѣ своего предмета, не можетъ ограничиться предѣлами того, что указано въ одномъ св. Писаніи: научная постановка, какъ назначенная для цѣлей удовлетворенія требованіямъ собственно ума нашего, предполагаетъ собою всестороннее и частнѣйшее теоретическое освѣщеніе изучаемаго предмета, — что не составляетъ задачи св. Писанія, имѣющаго въ виду удовлетвореніе лишь одному существеннѣйшему и необходимѣйшему — религіозно-нравственнымъ цѣлямъ жизни человѣка. И прежде всего, въ интересахъ всесторонняго освѣщенія изучаемаго предмета, христіанская этологическая наука должна обратить вниманіе на антропологию и, въ частности, особенно на психологию. Начала христіанской нравственности не суть нѣчто данное совнѣ: они прежде всего написаны — скажемъ словами св. Григорія Нисскаго и вмѣстѣ ап. Павла — на скрижаляхъ нашего сердца (2 Кор. III, 3), въ духовно-разумной природѣ нашей, въ самой ея глубочайшей сущности, или — какъ выражается Григорій Нисскій — „во владычественномъ началѣ“, τὸ ἡγεμονικόν, нашей души ¹⁾, и писанный законъ — скажемъ словами того же св. отца — лишь только „истолковываетъ благодать во владычественномъ души“ ²⁾. Если св. Писаніе въ своихъ цѣляхъ могло ограничиваться, въ большинствѣ случаевъ, только указаніемъ на естественный законъ нравственный, носимый нами въ своемъ духѣ (напр., Рим. II, 14), то задача науки — точно и полно изучить и выяснитъ этическія стороны нашей духовной природы и показать ихъ отношеніе ко всѣмъ другимъ сторонамъ и формамъ нашей психо-физической жизни. Сдѣлано ли это? Если о психології вообще нельзя утверждать, что она принадлежитъ къ числу наукъ разработанныхъ, то тѣмъ болѣе нельзя этого сказать относительно той части психологическихъ изслѣдованій, которая касается этической стороны нашего существа. Даже болѣе: здѣсь мы встрѣчаемся съ неразработанною почти совершенно

¹⁾ De vita Moys. Migne, Patr. t. XLIV. col. 397 A—B. Твор. I, 339.

²⁾ In Cant. cantic. hom. II. Patr. t. XLIV. col. 788 D. Твор. III, 39.

областью, обыкновенно оставляемую психологическими изслѣдованіями безъ должнаго вниманія. Въ этологической же литературѣ, не русской только, а и иностранной, лишь недавно явилось первое сочиненіе, гдѣ съ научною постановкою, въ строго выдержанной моральной системѣ выясняются существеннѣйшія изъ этико-психологическихъ понятій. Разумѣемъ „Ученіе о христіанской нравственности“—капитальный трудъ бывшаго ректора здѣшней академіи, протопресвитера І. Л. Янышева, составляющій высокой научной цѣнности приобрѣтеніе для богословской литературы—и русской и иностранной, ни въ той, ни въ другой не имѣющій себѣ ничего подобнаго и, въ частности, для православнаго богословія полагающій первое и прочное основаніе для дѣйствительно научныхъ изслѣдованій въ области этологіи. А кардинальный вопросъ нравственности—о свободѣ воли можетъ ли считаться уже достаточно разъясненнымъ научно? И мало ли такихъ вопросовъ? Психическая жизнь человѣка съ точки зрѣнія этическихъ основъ ея вообще почти совершенно не выяснена, и если иногда кажется намъ что-либо простымъ и понятнымъ въ этомъ отношеніи, такъ это происходитъ вслѣдствіе того, что мы, безотчетно пользуясь въ практической жизни этическими основами нашего духовнаго бытія, пристраивались къ нимъ и привыкли, какъ къ чему-то элементарному и само собою понятному.

Изученіе этическихъ основъ психической жизни человѣка путемъ субъективно-объективнаго психологическаго метода составляетъ, однако, только часть того, что должно входить въ науку этики и на чемъ она должна, между прочимъ, опираться: необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкое изученіе человѣка и человѣческаго общества во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни и именно съ точки зрѣнія нравственныхъ основъ ея. Здѣсь мы встрѣчаемся съ еще менѣе извѣстною областью и этого характера сочиненія, въ родѣ относящагося сюда же капитальнаго труда Эттингена—*Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für eine Socialethik* (Erlangen, 1882), составляющихъ рѣдкое явленіе.

И затѣмъ далѣе: человѣка и общество, въ этическихъ проявленіяхъ ихъ жизни, для полноты научнаго изслѣдованія, нужно

изучать не только въ данный моментъ, въ настоящее время, но и въ историческомъ развитіи ихъ жизни,—требуется прослѣдить состояніе нравственной жизни человѣка отъ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ двоякаго рода категоріею явленій нравственной жизни: съ одной стороны, человѣкъ, живетъ естественно своею жизнію, руководясь лишь вложенными въ природу нашу нравственными основами, съ другой—жизнь его находится подъ воздѣйствіемъ двухъ факторовъ—естественныхъ психическихъ основъ морали и богооткровеннаго ученія вѣры и нравственности. Первое мы видимъ внѣ откровенія и христіанства, второе—въ ветхозавѣтномъ израильскомъ народѣ и въ христіанствѣ. Сообразно съ этимъ и исторія этики распадается на два отдѣла, изъ которыхъ первый обнимаетъ народы языческіе и нехристіанскіе, второй—ветхозавѣтное іудейство и особенно христіанскіе общества. Изъ этихъ двухъ отдѣловъ исторіи этики только первый болѣе или менѣе разработанъ, и сочиненія, посвященные раскрытію этики языческой, есть и въ иностранной литературѣ (Вуттке, Штейдлинъ, Шмидтъ и др.) и въ нашей — „Исторія нравственности и нравственныхъ ученій“ проф. М. А. Оленицкаго (Кіевъ, ч. I. 1882. ч. II. 1886), „Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству“ (С.-Петербургъ, 1874) А. Ѳ. Гусева. Что же касается второго отдѣла и особенно главнѣйшаго въ немъ—исторіи святоотеческой этологіи, то его слѣдуетъ признать совершенно неразработаннымъ научно—не только у насъ, но даже и въ иностранной литературѣ. Между тѣмъ эта-то именно часть въ исторіи этики и имѣетъ особенно важное для насъ значеніе: если внѣ-христіанскую эпоху должно изучать въ виду всесторонняго выясненія естественныхъ основъ морали и ихъ проявленій, то святоотеческое ученіе о нравственности для насъ важно, между прочимъ, и какъ критерій для провѣрки нашихъ собственныхъ сужденій въ пониманіи и разъясненіи богооткровеннаго христіанскаго ученія о нравственности,—какъ авторитетъ, съ которымъ мы должны сообразоваться въ своихъ сужденіяхъ,—не говоря уже о томъ, что въ святоотеческихъ твореніяхъ, полныхъ глубокаго самонаблюденія,

мы болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можемъ почерпнуть и данныхъ къ раскрытію изучаемаго предмета.

Такимъ образомъ, область этологическихъ вопросовъ остается въ настоящее время слишкомъ мало изслѣдованною, — она мало изслѣдована, въ научномъ смыслѣ слова, даже и въ предѣлахъ первоосновы христіанской этологіи — въ предѣлахъ св. Писанія, хотя и кажется, быть можетъ, намъ въ немъ все въ этомъ отношеніи достаточно ясныхъ. Всесторонняя, правильная и дѣйствительно научная постановка ученія о христіанской нравственности только впереди.

Наше изслѣдованіе, относясь прямо къ христіанской этологической наукѣ, принадлежитъ собственно къ ея исторіи. Но въ исторіи этой науки, въ частности, въ исторіи святоотеческой этологіи, оно касается лишь одного историческаго момента и представляетъ, такимъ образомъ опытъ въ разъясненіи лишь самаго малаго изъ того, что предстоитъ сдѣлать исторіи святоотеческой этологіи и тѣмъ болѣе этологической наукѣ вообще. Въ виду неразработанности святоотеческой литературы съ этологической стороны, мы, чтобы не сдѣлать преждевременныхъ обобщеній или не свести ихъ на отрывочныя и легкія, но не имѣющія научной цѣнности ссылки то на того, то на другого отца церкви, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, — сгузили свою задачу еще болѣе, поставивъ цѣлю обозрѣть не историческій извѣстный моментъ раскрытія правоученія христіанскаго — въ освѣщеніи его со стороны соприкосновенныхъ съ нимъ другихъ моментовъ въ исторіи этологіи, и даже неизвѣстный историческій моментъ, рассматриваемый безотносительно, но просто лишь индивидуальное пониманіе опредѣленнымъ лицомъ вопросовъ, входящихъ въ сферу христіанской этологіи.

Историческій моментъ въ развитіи святоотеческой этологіи, къ которому относится наше изслѣдованіе, важенъ въ томъ отношеніи, что въ то именно время положено начало наукѣ о христіанскомъ правоученіи. И даже болѣе: именно Григорія Нисскаго слѣдуетъ считать первымъ ея представителемъ. Это было время, когда умъ человѣскій, постепенно усвая и опредѣляя богооткровенное ученіе, обратился отъ догматическихъ вопросовъ о Богѣ въ Самомъ

Себѣ къ вопросамъ христологическимъ и, въ связи съ тѣмъ, къ антропологической сторонѣ христіанской религіи вообще. Здѣсь сами собою возникли и вопросы, тѣсно связанные съ христіанской этологіей или даже и прямо въ нее входящіе. Ересь Аполлинарія съ ея антропологическимъ характеромъ послужила поворотнымъ въ этомъ отношеніи историческимъ пунктомъ. А Григорій Нисскій былъ первый изъ отцовъ церкви, кто обратилъ тщательное вниманіе на эту ересь и разобралъ ее, на основаніи собственнаго сочиненія Аполлинарія. Онъ къ тому же болѣе, чѣмъ кто-либо, былъ и подготовленъ къ анализу вопросовъ, связанныхъ съ антропологіей, потому что никто въ его время не былъ такъ хорошо знакомъ съ антропологическими вопросами, какъ онъ, — при чемъ онъ имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое и общефилософское образованіе. Неудивительно, что при такой подготовкѣ онъ первый представляетъ осязательную попытку раскрытія этологическихъ вопросовъ на научной почвѣ.

Правда, одновременно съ этимъ на западѣ мы видимъ попытку систематическаго изложенія нравственныхъ обязанностей христіанина, сдѣланную въ сочиненіи Амвросія Медиоланскаго *De officiis*, которое, по Селле, написано было около 386 г. ¹⁾. Но сочиненіе это, написанное подъ вліяніемъ и по образцу одноименнаго ему сочиненія Цицерона, не представляло собою труда, выросшаго на почвѣ христіанской науки: это была скорѣе механическая передѣлка нехристіанскаго, хотя и хорошаго, произведенія — въ духѣ христіанскомъ. Считать поэтому сочиненіе *De officiis* Амвросія первымъ опытомъ въ области именно христіанской этологической науки нельзя. Съ научною, по существу, постановкою этологическихъ вопросовъ мы первый разъ встречаемся въ сочиненіяхъ Григорія Нисскаго. У него нѣтъ такого произведенія, гдѣ бы затронутые имъ вопросы этологіи были сконцентрированы все и изложены въ опредѣленной системѣ: нравственныя воззрѣнія Григорія Нисскаго разсыяны по всемъ почти его твореніямъ, на-

¹⁾ Ceillier, *Histoire generale des auteurs sacrès et ecclesiastiques*. Paris. 1738. t. VII. p. 431.

ходясь однакоже въ полной гармоніи между собою и въ общей своей совокупности составляя собою одно стройное цѣлое. Но если требуется указать на одно какое-либо сочиненіе, которое составляло бы основу всего его нравственнаго міросозерцанія и которое могло бы быть названо поэтому первымъ, въ извѣстномъ смыслѣ, опытомъ въ области христіанской этологической науки, то таинъ сочиненіемъ, по справедливости, долженъ быть названъ капитальный трудъ философа-богослова IV вѣка *Περὶ κατὰσχευῆς ἀνθρώπου* — Обь устроеніи челоуѣка, — *θαυμάστη βιβλος*, какъ онъ справедливо названъ еще въ древности въ самомъ его надписаніи, по замѣчанію же Буедрона — самый лучший трактатъ о челоуѣкѣ, какой только составляла когда-либо христіанская философія ¹⁾, по крайней мѣрѣ святоотеческаго періода. Здѣсь поставлены всѣ основныя вопросы христіанской этологіи и на нихъ здѣсь же дано рѣшеніе въ духѣ міровоззрѣнія Григорія Нисскаго. Сочиненіе это можно поставить на-ряду съ извѣстнымъ трудомъ Оригена — *Περὶ ἀρχῶν*: какъ *Περὶ ἀρχῶν* Оригена есть первый опытъ христіанской догматики, такъ *Περὶ κατὰσχευῆς ἀνθρώπου* Григорія Нисскаго есть первый опытъ въ области христіанской этологической науки ²⁾.

Въ чемъ заключаются признаки научной постановки этологическихъ вопросовъ въ твореніяхъ Григорія Нисскаго? Признакъ научности мы видимъ въ нравственномъ міровоззрѣніи Григорія Нисскаго прежде всего въ принципиальномъ отношеніи. Общій принципъ, которымъ проникается все нравственное міровоззрѣніе

¹⁾ Bouëdron, *Doctrines psychologiques de S. Gregoire de Nysse*. Nantes. 1861. p. 184.

²⁾ Въ виду своего важнаго значенія въ исторіи христіанской богословской науки, Григорій Нисскій справедливо обратилъ на себя вниманіе въ послѣднее время и въ нашей литературѣ, въ которой имѣются уже еще два изслѣдованія о немъ: одно (Несмѣлова — Догматическая система Григорія Нисскаго) — только что явившееся въ свѣтъ, другое (Мартынова — Ученіе св. Григорія, епископа Нисскаго, о природѣ челоуѣка) — печатавшееся одновременно съ нашимъ сочиненіемъ и потому также нами неравсматриваемое. Кромѣ того, въ послѣднее же время сдѣлана характеристика Григорія Нисскаго и какъ проповѣдника (статья Н. И. Барсова въ *Христіан. Чтенія* за 1887 годъ).

св. Григорія, тотъ, что вопросы морали разсматриваются у него не отдѣльно отъ природы человѣческой, но въ связи съ нею и даже, въ извѣстномъ отношеніи, на основаніи данныхъ, въ ней заключающихся. Григорій Нисскій, какъ и естественно, былъ того твердаго убѣжденія, что законы нравственной жизни человѣка начертаны Творцемъ въ самой природѣ человѣка, и поэтому понятіе „нравственнаго“ совпадаетъ у него съ понятіемъ согласнаго не только съ волею Божіею, но и съ законами психо-физической природы человѣка, разсматриваемой въ нормальномъ, богосозданномъ видѣ. Отсюда его стремленіе не изложить только тотъ или иной фактъ, указанный въ Библии и имѣющій значеніе съ этологической стороны, но и объяснить его съ точки зрѣнія антропологической, — показать, какое отношеніе онъ имѣлъ къ природѣ человѣка, что произошло въ ней при совершеніи даннаго дѣйствія и т. п. Такъ, напр., анализируется въ твореніяхъ Григорія Нисскаго фактъ грѣхонаденія прародителей. И ту или другую нравственную заповѣдь Григорій Нисскій излагаетъ не просто лишь въ смыслѣ передачи сообщеннаго въ Откровеніи: онъ старается по возможности найти объясненіе для нея и въ самой природѣ человѣка, — старается показать, что эта заповѣдь не есть заповѣдь, данная отвнѣ, а лишь истолкованіе законовъ, вложенныхъ Творцемъ въ нашу природу. Это стремленіе приблизить писанный нравственный законъ къ нашей природѣ и разъяснить его при ея помощи нельзя не признать именно стремленіемъ научнымъ въ отношеніи къ вопросамъ этологіи. Христіанская этологическая наука тѣмъ прежде всего и опредѣляется, что она ставитъ для себя цѣлію выяснить богооткровенныя начала нравственности чрезъ данныя, имѣющіяся въ самой природѣ нашей, если ее разсматривать внѣ тѣхъ ненормальностей, какія произошли въ жизнь человѣческую чрезъ грѣхонаденіе прародителей.

И вмѣстѣ съ тѣмъ у Григорія Нисскаго есть другая черта, точнѣе опредѣляющая то, чѣмъ должна быть *христіанская* этологическая наука. Приближая богооткровенное ученіе о нравственности къ даннымъ, заключающимся въ нашей природѣ, и разъясняя его чрезъ это, Григорій Нисскій при этомъ вездѣ исходнымъ

пунктомъ, руководящимъ началомъ и конечною цѣлю анализа составляетъ богооткровенную заповѣдь и богооткровенное ученіе. И оттого его нравственное ученіе есть ученіе религіозное и, въ частности, христіанское, хотя оно и выясняется на антропологической почвѣ. Этимъ указывается на то, какимъ образомъ христіанская этологія должна пользоваться тѣмъ матеріаломъ, какой будетъ приобращаться чрезъ изученіе человѣческой природы въ разнообразныхъ формахъ нашей индивидуальной и общественной жизни: при всѣхъ ея изслѣдованіяхъ доминирующимъ вездѣ началомъ долженъ быть принципъ библейскій и слово Откровенія, — и этимъ христіанская этологія будетъ отличаться отъ такъ называемой независимой морали, будетъ ли послѣдняя стоять на философской почвѣ или эмпирической. Христіанская этологія, такимъ образомъ, будетъ только полнѣе и цѣлостнѣе, а слѣдовательно — и правильнѣе, обнимать всю сумму моральныхъ явленій въ человѣческой жизни, освѣщая ихъ религіозными богооткровенными элементами человѣческаго вѣдѣнія. И ученіе нравственное, христіанскою этологіею излагаемое, будетъ не просто только человѣческое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и богооткровенное. Въ этомъ ея отличіе отъ „независимой“ этики — опытной и философской, и въ этомъ же ея превосходство надъ послѣднею.

Признакъ научности виденъ въ твореніяхъ Григорія Нисскаго, при разсмотрѣніи этологическихъ вопросовъ не въ принципиальномъ только отношеніи: его можно видѣть также и въ методологической сторонѣ даннаго предмета. Эта вторая черта, характеризующая нравственное міровоззрѣніе св. Григорія какъ научное, стоитъ въ значительной жѣрѣ въ связи съ первою. Основное положеніе въ постановкѣ этологическихъ вопросовъ, что нравственное есть согласное не только съ волею Божіею, но и съ законами нашей психо-физической природы, разсматриваемыми въ идеальномъ ихъ совершенствѣ, — само собою опредѣляло и приемы анализирующей мысли св. Григорія: она не могла ограничиваться лишь изложеніемъ того или другого моральнаго положенія, взятаго изъ откровеннаго ученія, и должна была прибѣгнуть къ анализу данныхъ, имѣющихся въ психо-физической природѣ человѣка, и здѣсь искать

объясненія поставленнаго вопроса. Такъ именно и поступалъ Григорій Нисскій въ своихъ твореніяхъ. Только при этомъ онъ искалъ объясняющихъ тотъ или другой моральный вопросъ данныхъ не въ одной лишь природѣ человѣка, но и въ чисто философскихъ по изслѣдуемому предмету соображеніяхъ. Этотъ второй приемъ мысли имѣлъ восполняющій характеръ въ отношеніи къ первому. Такимъ образомъ, съ методологической стороны ученіе Григорія Нисскаго опредѣляется — какъ основанное на философско-психологическомъ методѣ изслѣдованія моральныхъ вопросовъ, разсматриваемыхъ въ тѣсной связи и полномъ (если не по выполнению, то по крайней мѣрѣ по желанію и по задачѣ) соответствіи съ данными, имѣющимися въ Богооткровенномъ ученіи. Противъ вѣрности такого приема мысли также едва ли что можно сказать; указать можно только на его неполноту, потому что этологія не можетъ ограничиться анализомъ данныхъ о человѣкѣ, входящихъ въ объемъ только психологической науки: она должна изучить духовную природу человѣка и въ другихъ формахъ ея проявленія и имѣть въ виду не психологію только, а вообще антропологию.

При склонности философскаго ума Григорія къ установленію прежде всего общихъ руководящихъ положеній, и этологическіе вопросы разсматриваются у него почти исключительно лишь съ общихъ сторонъ. Вслѣдствіе этого, въ твореніяхъ Григорія Нисскаго весьма мало имѣется частнѣйшаго анализа нравственныхъ обязанностей христіанина. Это составляетъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, слабую сторону его религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія; но это было слѣдствіе индивидуальныхъ особенностей ума Григорія, а частію и того обстоятельства, что вопросы морали не были еще до Григорія предметомъ научнаго изслѣдованія у христіанскихъ писателей.

Невыясненность въ то время разныхъ вопросовъ, затрогиваемыхъ Григоріемъ Нисскимъ, была, между прочимъ, причиною и того обстоятельства, что вѣкоторые пункты христіанскаго ученія излагаются у него не всегда съ полною отчетливостію, а иногда и съ значительнымъ субъективизмомъ. Это слѣдуетъ сказать какъ относительно нѣкоторыхъ моральныхъ вопросовъ, такъ и нѣкоторыхъ пунктовъ догматическихъ. Мы въ своемъ изслѣдованіи, однако, не

считали удобнымъ входить въ критику воззрѣній св. отца и просто излагали то, что находили въ твореніяхъ св. Григорія.

Вотъ важнѣйшія формальныя стороны, которыми опредѣляется, въ общемъ, характеръ религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія Григорія Нисскаго. По содержанію же своему нравственнаго воззрѣнія св. Григорія основаны на фактѣ борьбы между стремленіями духа и плоти, или иначе—на противоположности между духомъ и матеріею. Правда, въ твореніяхъ Григорія есть ученіе о нематеріальныхъ основахъ чувственнаго міра ¹⁾ въ духѣ философской теоріи Лейбница, но эта гипотеза, допущенная Григоріемъ Нисскимъ только съ цѣлію приблизить къ пониманію ума человѣческаго фактъ творчества Богомъ матеріальнаго міра, не вводится въ содержаніе его міровоззрѣнія, покоющагося на признаніи противоположности между духомъ и матеріею, и попытки объяснить возникновеніе этой противоположности лишь потомъ уже—съ факта грѣхопаденія Прародителей—Григорій Нисскій также не дѣлаетъ.

Что касается частнѣйшихъ сторонъ въ раскрытіи религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія св. Григорія, то разъясненіе ихъ служитъ предметомъ моего изслѣдованія, предлагаемаго вашему просвѣщенному вниманію. Насколько вѣрно понято мною религіозно-нравственное міровоззрѣніе св. Григорія и насколько обстоятельно изложено оно въ моемъ трудѣ,—компетентное слово объ этомъ скажутъ мои достоуважаемые оппоненты.

¹⁾ In Hexaem. Migne, Patr. t. XLIV. col. 69 (Твор. I, 11); de hom. op. c. 24. Patr. t. XLIV. col. 212—213 (Твор. I, 173—175); de an. et. res. Patr. t. XLVI. col. 124 (Твор. IV, 295—296).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки